

Евгений Татарников

Евгений Феликсович Татарников – родился в Удмуртии в 1959 году. После школы в 1976 году поступил МВТУ им. Баумана, которое окончил в 1982 году и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 году окончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Проживает в Ижевске. Печатался в журналах: «Южная звезда», «Традиции и Авангард», «Истоки», «Бийский вестник», «Царицын», «Литкультпривет», «Автограф», «Великороссь», «Александръ», «Камертон», в газетах «День Литературы» и «Российский писатель».

МЕКСИКАНСКИЙ СЛЕД ПОЭТА БАЛЬМОНТА В СТРАНЕ КРАСНЫХ ЦВЕТОВ

(Эссе про его путешествие в Мексику – страну индейцев майя)

«И Мексика возникла, виденье вдохновенное...»

Майя – загадочный индейский народ, чьи знания превосходят возможности древних людей. Обряды майя поражают невероятной жестокостью. Их предания содержат странные легенды, не поддающиеся объяснению. Индейцы майя освоили в древности и продолжают населять области, охватывающие территории южных штатов Мексики (Чьяпас, Табаско, Кампече, Юкатан, Кинтана-Роо), Гватемалы, Белиза, севера Гондураса и Сальвадора.

«Если бы мне дали определить Бальмонта одним словом, я бы, не задумываясь, сказала: Поэт... В Бальмонте, кроме поэта в нём, нет ничего... На Бальмонте в каждом его жесте, шаге, слове – клеймо – печать – звезда поэта», – писала Марина Цветаева. А если бы мне разрешили добавить, я бы сказал: «Странствующий по всему миру поэт, который потом об этом интересно рассказывает в своих очерках». А что сам о себе пишет Бальмонт? Ну, давайте послушаем его: «Я – весенний солнечный луч... нежный лютик... смешинка на лице ребёнка».

А в своей последней «автобиографии» Бальмонт пишет: «Имею спокойную убежденность, что до меня, в целом, не умели писать в России звучных стихов. Чувствую в душе нескончаемую юность. Говорят, будто лучшая моя книга “Будем как солнце”. Это вздор. По существу своему я в непрерывном движении, которое не видно лишь слепым рассудочникам. У меня нет лучших и худших книг, а все книги одинаково плохи или одинаково хороши. Нужно быть безумцем, чтобы сказать, что одуванчик лучше или хуже орхидеи».

Даже Александр Блок находился под обаянием его стихов. И писал: «Когда слушаешь Бальмонта – всегда слушаешь весну. Никто не окутывает душу таким светлым туманом, как Бальмонт».

– Да, – соглашался Бальмонт:

*Я тревожный призрак, я стихийный гений,
В мире сновидений жить мне суждено,
Быть среди дыханья сказочных растений,
Видеть, как безмолвно спит морское дно...*

Учился Бальмонт на юридическом факультете Московского университета и, не окончив до конца ни одно высшее учебное заведение, но с детства пристрастившись, не без помощи матушки, к чте-

нию книг, Бальмонт обладал обширными энциклопедическими знаниями благодаря своему упорному самообразованию. Себя он называл стихийным гением, живущим настроением момента, хотя любознательность его не оставляла никогда. Как он писал в «Записной книжке»: «Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняю и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы». Бальмонт освоил 15 иностранных языков, что позволило ему не только читать в подлиннике литературные шедевры разных народов.

Атлантида Бальмонта

Первая цивилизация, появившаяся на Земле, известна под названием – «Лемурия». В те времена на планете обитали семь рас. Среди них выделялись «атланты», «барнишады», «рмоахалы». «Мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем, – это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш мир, но не совпадающие с ним», – писал Карлос Кастанеда. Увлечение Бальмонта древними цивилизациями Латинской Америки началось ещё в студенческие годы, и путь к ним шёл через миф об Атлантиде. Помните его стихотворение:

*Атлантида потонула,
Тайна спрятала концы.
Только рыбы в час разгула
Заплывут в её дворцы...*

А может, ему про Атлантиду поэт Брюсов подсказал, когда написал, что по всей Земле идёт преемственность от древних начальных цивилизаций, а «самая ранняя» древность, вероятнее всего, должна была опираться на древность Атлантиды. А может, Бальмонт прочитал грека Платона, который первым упомянул об Атлантиде как о материке, некогда располагавшемся за Геркулесовыми столпами (Гибралтаром) и погибшем «в один день и бедственную ночь».

Христофор Колумб тоже искал аналог Атлантиды – «Острова Блаженных», а нашёл Америку. В древности существовало представление об Атлантиде, находящейся где-то далеко-далеко на западе на огромном континенте, где спит Кронос и который охраняет Бриарей. Это была земля, покрытая тропическими лесами, в них растут орхидеи, их стебли, как змеи, с «печатью греха на лепестках», где текли реки хрустальной чистоты, а воздух был свеж. В представлении древних людей она занимала то же место, что и Земной рай у христиан. Отцы церкви боролись с этим популярным верованием, поскольку Священное Писание давало ясное указание, что чудесная земля находится «в Едеме на востоке». Однако, несмотря на их попытки искоренить идею о существовании западного рая, она продолжала жить в умах людей на протяжении эпохи Средневековья до тех пор, пока Христофор Колумб не начал искать и не обнаружил Атлантиду и Рай в Новом Свете. Это был мир, где совпадали представления древних людей и людей Средневековья, поскольку он находился к востоку от Азии и к западу от Европы. Решил её найти и Бальмонт. Бог тебе в помощь, может, тебе повезёт... Писатель Лев Эллис видел в Бальмонте «старый тип испанского искателя». Он писал: «Воистину более всего явил своё “Я” Бальмонт в своих странствованиях без орбиты, цели и усталости. Что ищет он? Погибшую Атлантиду? Или даже Лемурию?» Возможно, Бальмонт верил в Атлантиду и Лемурию, но всё же у его путешествий была и своя конкретная цель, которую он всегда достигал. Следы поглощённого в пучине вод континента – Атлантиды – Бальмонт решил искать в первую очередь в странах майя, и ацтеков и тольтеков, куда он и отправился из Парижа, в который уехал почти сразу после расстрела мирной демонстрации у Зимнего дворца в Петербурге. На родине отъезд посчитали знаковым. «Сию минуту кончился целый период. Бальмонт десять лет полновластно царил в литературе, иногда капризно, но царил, – писал Максимилиан Волошин. – Мы будем жить без него. И я думаю, что мы все видели его в последний раз. Он не вернётся из Мексики или вернётся совсем иным...»

Бальмонт первым из русских поэтов побывал в Мексике, про которую он писал в своей книге «Змеиные цветы»: «Страна красных цветов, раскрывшихся в умах, опьянённых Солнцем и влюблённых в Луну, и в Вечернюю Звезду, Звезду Утреннюю. Страна разноцветных цветов и птиц с яр-

кими перьями, лазурными, зелёными, оттенка всех драгоценных камней. Страна кровавых зрелищ и утончённой благоговейности, легенд правдивых и действительности неправдоподобной, цветных иероглифов и пирамидных храмов, медленных слов и быстрого ножа, вечной Весны – вечной Осени. Страна, чьи горы подобны исполинским изваяниям, чья история – сказка, чья судьба – печальная поэма, печальней, чем поэма Эдгара По. Страна, обманутая, преданная, проданная, побеждённая предсказанием, гением, женщиной и конём, изуродованная безвозвратно Кентавром бледнолицым, несущим гибель, разрушение и лицемерную религию, вместе со смертельными заразными болезнями, всюду, куда он проникает – в Индию, в Океанию, в Перуанскую идиллию и в эту растоптанную Страну Красных Цветов...»

К поездке в Мексику поэт был подготовлен знанием испанской классической и народной поэзии, с которой познакомился во время путешествия по Испании, где он побывал до поездки в Мексику. Константин Бальмонт всерьёз увлекался историей и культурой великих цивилизаций древности. У него была страсть к путешествиям. В одном из своих писем Бальмонт рассказывал: «Я читаю без затруднений на языках – французском, английском, немецком, испанском, итальянском, шведском, норвежском, польском, португальском, латинском. Прикасался к египетскому, еврейскому, китайскому, японскому, к языкам Мексики, но, к сожалению, слишком поверхностно...»

В феврале 1905 года Бальмонт со своей спутницей Еленой Цветковской – молчаливой, сдержанной, с необычной внешностью, влюблённой «до безумия» в Бальмонта, готовой следовать за ним хоть на край Земли, хоть на край Вселенной, – отправились в Мексику. Она была странным человеком, как её называли близкие – «лунным существом», который вращался, как спутник Земли – вокруг Бальмонта. Да и Бальмонт сам был «не от мира сего земного». Мечтатель вселенского масштаба: «Я хотел бы уехать туда, где изумительные цветы и упоительные волны океана, туда, где можно забыть, что человек – грубое и свирепое животное». Но куда же от этого уедешь? К таким же свирепым и грубым? А может, и хуже. Отправляясь в плавание по морям и океанам – на край Света, Бальмонт набивал кованный сундук не картами и провиантом, а литературой. Так было и в этот раз.

«И путешествие началось в феврале в страну вечной Весны»

*Февраль – предатель. Бойся тот,
Кому Февраль теплом дохнёт.
Он греет час, в обманах дней,
Чтоб ночью было холодней...*

– писал про него – февраль – Бальмонт.

В феврале 1905 года в Гамбурге начался морской путь Бальмонта в Мексику и продолжился в испанском городке Корунья. «Я был счастлив несколько часов в Корунье – это типичный испанский город, гавань в Галисии. Во мне испанская душа. Я обошёл весь город из конца в конец, заходил в жалкую церквульку, обедал в каком-то Café Oriental, заходил в разные магазины, и мне всё было радостно, как родное, и с каждым я говорил с наслаждением. Испанцы – искренние дети. 5 февраля. С тех пор, как мы уехали из Коруньи, я впал в какую-то странную полосу отрешённости от всех последних дней, с их мучениями, сомнениями, понял, что я действительно уехал, потерялся в Океане», – писал Бальмонт в своей книге.

Из Коруньи его путь лежал на Кубу и завершился в мексиканском портовом городе Вера-Крус. Об окончании путешествия через Атлантический океан Бальмонт так сообщал Екатерине Алексеевне в письме от 21 февраля 1905 года, отправленном из Вера-Круса: «Последние дни на корабле, день на острове Куба, эти три-четыре дня здесь были какими-то сумасшедшими. Я попал в вертящееся колесо. Я был в сплошной движущейся панораме. Минуты истинного счастья новизны сменялись часами такой тоски и такого ужаса, каких я, кажется, ещё не знал. Ведь я до сих пор не знаю, что делается в России. В Москве кровавый дым. Я опишу подробно свои впечатления от Океана, очаровательной экзотической Гаваны и заштатной смешной Вера-Крус, когда приеду в Мехико. В Гаване я видел цветы, цветочки родные, маленькие и пышные розы. Мне хотелось упасть на землю и целовать её». Потом его вторая жена – Екатерина Андреева-Бальмонт – вспоминала: «В начале нашей совместной

жизни с Бальмонтом мы редко расставались с ним. А если разъезжались, даже на короткий срок, писали друг другу ежедневно. Когда же он уезжал надолго в Мексику, Египет, он тоже писал мне часто и большие письма. Отрывки из этих писем, касающиеся общеинтересных вопросов, описания стран, его мыслей и впечатлений от них, я отдавала в печать в «Весы» и другие журналы». Константин Бальмонт был одним из основателей журнала «Весы» (1904–1909).

На корабле Бальмонт достал из своего кованого сундучка книгу американского историка Прескотта «История завоевания Мексики», прочитал её и сделал для себя пометку: «Это и красочная сказка, правда о Кортесе и древних мексиканцах. Безумная сказка. Народ, завоёванный гением, женщиной, конём и предсказанием. Это формула моя, и я напишу книгу на эту тему». Но не написал. Гений у него был – Кортес, женщина – индианка Марина – переводчица и любовница Кортеса, а предсказание – легенда о грядущем возвращении Кецалькоатля.

Теночтитлан – вотчина вождя Монтесумы

Ацтеки пришли на будущую территорию Мексики с севера примерно в X веке нашей эры, постепенно покорили местные племена и создали свою империю. В 1325 году они основали на пустынном острове озера Тескоко селение, превратившееся очень скоро в величественный город – Теночтитлан. Согласно преданию, главный бог ацтеков Уицилопочтли сказал однажды старейшинам и жрецам племени: «Идите туда, где растёт кактус-теночтли, на котором вольно сидит могучий орёл. Там вы должны остановиться, там вы должны встретить множество племён, и вашими стрелами, вашими щитами вы подчините их себе. Там будет ваш город Мехико-Теночтитлан, там орёл расправит свои крылья, он ест змею и кричит». И ацтеки сделали всё «по велению божию»: основали свою столицу на указанном месте, на острове, где на большом кактусе сидел орёл и клевал змею. Город возвышался среди солёного озера и был расположен на соединённых между собой островах. Некоторые его здания были построены на сваях! С суши город связывался тремя дамбами, по числу городских ворот. Теночтитлан пересекали не только улицы, но и каналы, и поэтому его сравнивали с Венецией.

Вот каким увидел и описал древний город ацтеков Теночтитлан в 1519 году испанский конкистадор Эрнан Кортес: «Провинция, в которой находится этот крупный город, имеет форму почти правильного круга и охвачена кольцом высоких диких гор. Город так же велик, как, например, Севилья или Кордова. Улицы его широкие и прямые как стрелы; на многих главных магистралях половину улицы образует мостовая, другую половину – канал, по которому плавают лодки. Улицы и насыпи во многих местах перерезаны поперечными каналами, через которые переброшены мосты из больших и прочных деревянных балок. В городе много рыночных площадей, где ведётся постоянная и оживлённая торговля...» И здесь жил последний вождь ацтеков – Монтесума. Монтесума родился приблизительно в 1467 году. В таком случае, к моменту прихода испанцев ему было 52 года, а это век по календарю ацтеков. Такое совпадение могло усилить веру Монтесумы в то, что испанцы – не люди, а боги. Сохранились описания Монтесумы: «Это был мужчина высокого роста, с лицом хищной птицы. На его голове развевался огромный головной убор из пурпурно-зелёных перьев, усыпанных жемчугом и бирюзой. Плащ Монтесумы представлял собой настоящее чудо ремесленного искусства: тысячи перьев всех цветов радуги сливались в ослепительно богатый орнамент. Весь царский наряд блистал золотом и драгоценными камнями. Даже подошвы его башмаков были сделаны из чистого золота».

Помните роман Райдэра Хаггарда «Дочь Монтесумы»? Имя дочери – Тикучипо, что означало «пушинка хлопка». Я в детстве любил читать этого писателя. Интересно, что Кортес имел несколько ацтекских наложниц, среди которых были и дочери Монтесумы. Он считается жестоким и жадным правителем. Монтесума погиб при загадочных обстоятельствах. Он находился в плену у Кортеса и призывал жителей Теночтитлана покориться испанцам. Покорность захватчикам привела к тому, что правителя возненавидели даже его бывшие сторонники. Ацтеки выбрали нового правителя – младшего брата Монтесумы – Куитлауака. Когда пленного Монтесуму вывели к народу, чтобы он усмирил его, низложенного правителя забросали камнями. Считается, что бывший император был убит восставшими вскоре после отъезда Кортеса. По другой версии, Монтесуму задушили испанцы, ибо как заложник он перестал представлять для них какую-либо ценность. По записям конкистадоров, сопровождавших Кортеса, отмечается, что ацтеки уничтожали тысячи человек во время ритуальных обрядов. Сердце отделялось от тела, пока человек был жив, и клалось в специальный жертвенный

сосуд. В другой – сливалась кровь. «В Мексике пленников возводили, с целым рядом религиозных церемоний, на высокие пирамидные теокалли, и там жрец, обсидиановым мечом, высекал у пленного сердце и приносил это, ещё живое, дымящееся сердце в жертву Солнцу, в чертоги которого, по смерти, возносились погибшие воители», – писал в своей книге Бальмонт.

На самой большой площади Теночтитлана стояла огромная пирамида Уицилопочтли и Тлалока. Сооружение высотой свыше 60 метров было двухступенчатым и состояло из двух храмов. Храм слева, выкрашенный белой и синей краской, был храмом национального бога, волшебника колибри, другой храм, выкрашенный белым по кроваво-красному полю, был посвящён богу дождя и произвёл очень сильное впечатление на испанцев. «Он такой, – пишет Эрнан Кортес, что никакой человеческий язык не в силах описать его размеры и величие». В этом храме, куда ведут 114 ступенек, Кортес и Монте-сума провели свою знаменитую беседу о достоинствах богов. К северу от Теночтитлана находился город Тлателолько, его противник, но в результате быстрого завоевательного броска ацтеков этот город был покорён и стал частью Большого Мехико.

Бальмонт в Мехико

3 марта 1905 года Бальмонт прибыл в Мехико со своей спутницей Еленой Цветковской, которая была страстной поклонницей его поэзии и страстно любила поэта. Бальмонт не был влюблён в Цветковскую, но испытывал в женщине потребность как в верном и преданном друге. Константин метался между семьёй и любовницей: то жил с женой – Екатериной, то уезжал в путешествие с любовницей Еленой. Но вернёмся в Мексику. Бальмонт прибыл в Мехико, основанный индейцами-ацтеками, которые появились в этих местах в начале XIII века. В 1325 году они основали Теночтитлан – «Дом кактусовой скалы». Согласно легенде, индейцы случайно увидели сидящего на высоком кактусе орла, который держал в своём клюве змею. Ацтеки решили, что этот знак им послал их бог солнца Уицилопочтли. Столица ацтеков была названа в честь вождя Теноча: он как честный человек посудил, что раз сам основал город, то и назвать должен именем себя. Город Теночтитлан просуществовал всего два столетия, он пал в 1521-м под натиском Эрнана Кортеса и его конкистадоров. На месте разрушенного Теночтитлана был основан Мехико – столица колонии Новая Испания.

Константин Бальмонт увидел и описал город так: «Пыль Теночтитлана, превращённого в трамвайную Мексику, город приезжих прожорливых белоликих и обнищавших последних ацтеков, пьющих свою пульту в вонючих кварталах. Рвань, нищета, голоножье, каких не увидишь и в Москве...» Но ещё больше его возмутило другое, и он писал: «Мне не жаль изуродованных тел, мне не жаль убитых. Но видеть мерзкий христианский собор на месте древнего храма, где молились Солнцу, но знать, что он стоит на зарытых в землю памятниках таинственного искусства. О, трижды, семью семьдесят раз мерзавцы европейцы!» И об этом он написал в письме к В. Брюсову, хранящемуся в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

«3 марта 1905 года. Мехико. Сейчас солнце заходит. Идёт дождь, большая редкость здесь в это время. Был гром. Не странно ли? В Вера-Крус я сразу попал в сказку, когда пошёл завтракать на солнечной улице, около пальм, а передо мной коршуны гуляли стаей, точно ручные, и пожирали какие-то неприемлемости, которые угрюмый мексиканец, под звон колокольчика, собирал в свою гробообразную повозку. Эти чёрные коршуны – спасители города; они с красивой жадностью уничтожают то, что должно перестать существовать, – как у Парсов они пожирают трупы... Море с берега, нежно-манящее. Красивые рыбы. Старый, до потешности заплатанный город. Он такой же почти, как был при Кортесе. Печать исторических воспоминаний, экзотические лица и одежды, шляпы, похожие на высокий колпак средневекового звездочёта, всадники, объезжающие город, смуглые старики и старухи, достойные кисти Гойи, горячее солнце, горячие взгляды, удивляющиеся и смеющиеся с дикарской наивностью. Глаза мексиканцев прикасаются, когда глядят. Предки этих людей были пьяны от Солнца, и вот у них осталось в зрачках воспоминание о празднествах лучей и крови, и они всё ещё дивятся, вспоминают, увидят чужое и словно сравнивают со своим, глядят на мир как на сон, во сне живут, во сне, их обманувшем. У людей здешнего народа нежная интонация. Они погибли оттого, что были утонченники...» – писал Бальмонт в своей книге.

4 марта... «Я вернулся сейчас из Национальной Библиотеки, куда неукоснительно хожу каждый день. В огромной высокой зале таких прилежных читателей немного. Мексиканцы не книжники. Число посетителей – от двадцати до трёх-четырёх. Фантазия, не правда ли? Другая фантазия ещё чудеснее: за окнами слышен громкий крик петухов, а над читателем воркуют и летают голуби, которые тут же в библиотечном зале выводят птенцов. Какие-то барышни стучат на пишущей машине. Читатели курят, не боясь поджога. Говорят вслух. Некий юноша зубрит вдохновенно, не щадя слуха чужого, он пьян анатомией; в руках у него огромная кость, он раскачивает её, прижимает к сердцу, скандирует научные фразы. Не знаешь, студент ли это медицины или особая разновидность шамана. Библиотекари изумлены на умственную жадность русского и, кажется, считают меня несколько свихнувшимся. Я читаю древнюю книгу тольтеков “Popol Vuh”, космогония и легендарная летопись, смесь ребячества и гениальности...»

В Мехико в Национальной библиотеке Бальмонт изучает древнюю книгу майя «Пополь-Вух». Её нашёл монах – доминиканец Франсиско Хименес, который в начале 18-го века был настоятелем церкви в гватемальском городке Санто-Томас-Чувила.

Народ киче в книге «Пополь-Вух»

Если коротко об этой книге, то главным героем в ней является, конечно, индейский народ. Примечательно то, как заканчивается книга: «Больше о существовании народа киче сказать нечего...» Ведь главная цель творения – это рассказ о великом прошлом цивилизации. И, как положено мировосприятию того времени, под «великим» подразумеваются победоносные войны, сожжённые вражеские города и посёлки, захваченные рабы, присоединённые территории, человеческие жертвоприношения в угоду кровожадным богам и так далее. При этом создатель книги всячески избегает тех моментов, которые могут тем или иным образом опорочить его народ. Поэтому в «Пополь-Вухе» нет и слова о многочисленных внутренних раздорах, которыми с успехом пользовались вражеские народы. Например, какчикели. Нет в книге и упоминаний о столкновениях с испанцами, ведь в них-то киче нечем хвастаться. Зато в книге точно указано, что майя-киче изначально жили в центральной Мексике, скорее всего, в соседстве с тольтеками. Но затем что-то случилось, и они вынуждены были искать новую территорию. Так киче оказались в Гватемале. Благодаря «Пополь-Вуху» стало известно, что индейцы считали себя выходцами из северных пещер, та земля называлась Тулан. А вход в неё охраняла летучая мышь. Она являлась своеобразным посредником между миром живых и миром мёртвых. Так что, если верить преданиям майя, их предки когда-то сумели выбраться из преисподней и поселиться на живой земле.

«Колибри, малая Жар-Птица...»

*Колибри, малая Жар-Птица,
Ты фея в царстве орхидей,
Ты Мексиканская царица,
И ты сильнее всех царей.
Промчались битвенные шумы,
И рой царей исчерпан весь,
И нет Ацтекам Монтесумы,
А ты, Колибри, здесь как здесь.*

«Если Египет озарён золотым, нежно-жёлтым Солнцем, Мексика вся освещена заревами Солнца алаго. В её гимнах слышишь песню крови. Её главный бог – Вицтлипохтли, бог Войны, национальный бог Мексиканцев, особенно города Мехико. Он называется также Левша, т.е. Южный. Он явился, и являлся, своим верным, в лике колибри, самой цветистой и самой сильной из птиц, несмотря на свою малость. Птица вечного движения, неустанного полёта...» (К. Бальмонт. Из цикла «Мексика»).

*Колибри, птичка-мушка, бесстрашная, хоть малая,
Которой властью Солнца наряд цветистый дан,
Рубиновая фея, лазурная, и алая,
Сманила смелых бросить родимый их Ацтлан.
Весёлым пышным утром, когда Весна багряная
Растит цветы, как солнца, как луны, меж ветвей,
Летунья щебетнула: «Тиуй, тиуй», – румяная,
Как бы цветочно-пьяная, – «Тиуй, – идём, скорей!»
В тот миг жрецы молились, и пение жемчужное
Лазурно-алой феи услышали они,
Пошёл народ бесстрашный, всё дальше, в царство Южное,
И красной лентой крови свои обвил он дни.
И Мексика возникла, виденье вдохновенное,
Страна цветов и Солнца и плясок и стихов...*

– писал К. Бальмонт.

Центральная Мексика, с её высокими горными хребтами, каменистыми плоскогорьями и глубокими долинами, всегда была зоной повышенного риска, где на головы индейцев периодически обрушивались сильнейшие землетрясения, извержения вулканов, засухи и наводнения. Полные удручающих испарений джунгли, выжженные солнцем каменистые нагорья, где днём палит зной, а ночью замерзает вода, грозные вулканы, частые разрушительные землетрясения, хищные звери и ядовитые змеи – такова была среда, в которой обитали жители Мексики.

Мехико и его пригороды

7 марта, гуляя по Мехико, Бальмонт так его описывает: «Противный, неинтересный город. Испанцы уничтожили всё своеобразное и бесчестно европеизировали этот некогда славный Теноктитлан. Жизнь дороже, чем я рассчитывал, и всё плохо. Низкое обирательство. <...> Окрестности мексиканской столицы очень интересны, и мы почти каждый день ездим то туда, то сюда, на электричке. Хороши профили снежных вершин, потухших вулканов Ицтаксигуатль и Попокатепетль. На Попокатепетль через две недели я совершу восхождение. Прекрасен роскошный парк-лес в древней летней резиденции Ацтекских царей, Чапультепеке, с вековыми агуэгуэтлими, и осоками в два человеческие роста. Там есть дерево Монтезумы, таинственного царя-жреца, предавшего свою родину белолицым разбойникам. Хороши агавы Такубайи, сады древнего селения Тольтеков, Койоакан. <...> Мир осквернён Европейцами. Европейцы – бессовестные варвары. Их символ – тюрьма, магазин, и трактир с бильярдом, сюртук и газетная философия...»

Из Мехико Бальмонт и Цветковская выезжали в разные районы Мексики: в пригород столицы, в прекрасный, древний, цветущий Чапультепек смотреть на бой быков. И Бальмонт пишет в своей книге: «Арумы белые растут в канавах. Кое-где краснеют цветы кактусов на хищных уродливых своих деревьях, на которых орлу можно сесть со змеёю в клюве. Через неделю начнётся весна, расцвет, прилетят ласточки. На вулканах начнут таять снега. <...> Вечер. Какое страдание! Я окончательно не переносу более – грубых зрелищ, которые когда-то нравились мне. Бой быков, особенно здесь, где нет испанской роскоши в обстановке, есть гнусная, ужасающая бойня. Быки были на редкость сильны и свирепы, а тореадоры до отвратительности неловки и трусливы. У меня как будто помутился рассудок от вида крови и трупов.»

Через 20 лет после Бальмонта этот город посетил Владимир Маяковский, и вот как он его описал: «Город Мехико плоский и пёстрый. Снаружи почти все домики выглядят разноцветными ящиками. Преобладающий цвет этих ящиков – розовато-жёлтый, как морской песок на заре восходящего Солнца. Фасад дома скучен, вся его красота – внутри. Здесь дом образует четырёхугольный дворик. Дворик усажен всякой цветущей тропичностью. Перед всеми домами обнимающая дворик двух-трёх-четырёхэтажная терраса, обвитая зеленью, увешанная горшками с ползучими растениями и клетками попугаев. Это – испанский тип домов, завезённый сюда завоевателями. От старого восьмисотлетнего Мехико, – когда всё это пространство, занимаемое городом, было озеро, обнесённое вулканами,

и только на островочке стояло пуэбло, своеобразный город-дом-коммуна, тысяч на 40 человек, – от этого ацтекского города не осталось и следа. Зато масса дворцов и домов первого завоевателя Мексики – Кортеса и его эпохи, недолгого царя Итурбиды, да церкви, церкви и монастыри. Их много больше 10 000 расставлено по всей Мексике. <...> В отличие от врагов мексиканского человечества – автомобилей, трамваи исполняют гуманную роль. Они развозят покойников. Часто видишь необычное зрелище. Трамвай с плачущими родственниками, а на прицепе-катафалке покойник. Вся эта процессия жарит всюю с массой звонков, но без остановок. Своеобразная электрификация смерти!...»

Археологические памятники ацтеков

Бальмонт с Еленой почти каждый день ездят по местам, где сохранились археологические памятники. Посетили Ксочикалько – «город цветов». Это практически единственное место в Мексике, которое избежало разрушения испанскими завоевателями. Множество каменных иероглифических значков покрывали пирамиду. Вот что он пишет в своей книге: «Развалины Ксочикалько принадлежат к числу самых красивых и величественных созданий скульптурного и архитектурного гения ацтеков. Пирамидное построение, находящееся на вершине горы, среди других горных вершин, вздымающихся кругом, представляет теперь лишь обломки, но рельефы основания со всех четырёх сторон видны, и на одной стене хорошо сохранилась каменная легенда: оперённый змей, похожий на китайских и японских драконов, величественный и страшный, обнимающий своими извилами полстены, и затем, в обратном порядке, симметрично повторяющийся на другой половине. Фигура воителя обращена к его пасти лицом, перед воителем дымоподобный каменный узор, это означает “цветистую речь”, песнь или молитву. Легенда повторяется с новыми сочетаниями и фигурами, на других стенах. Она рассказывает о четырёх великих эпохах мира, связанных с четырьмя мировыми гибелями, которые предшествовали нашей земной жизни... Четыре мировые бича, и созидатели: Огонь небесный (Солнце и Молния), Огонь земной (Вулкан), Воздух (Ураган), Вода (Потоп)». Бальмонт посетил город Пачуку, где присутствовал на народном празднике. Ездил по местам, где жили древние народы и где можно было увидеть пирамиды, руины Митлы, Паленки («мне сказали, что, если я поеду в Паленке, мне придётся купить палатку, самому заботиться о пище и питье, а также о том, чтобы проводники-индийцы не сбежали...»). Поэт посетил руины Хóхо, «куда я ездил в коляске из Оахаки на причудливой шестёрке, из которой два номера – были клячи, и четыре – мулы».

Древний город Чичен-Ицá

Чичен-Ицá, который в 9-м веке приобрёл могущество и звание верховного политического и духовного центра майя. Жертвенный колодец в Чичен-Ица – это современное чудо света. В момент обнаружения данный колодец получил название «девственной пучины». Считалось, что души молодых красавиц, приносились в жертву богу грозы и грома Чаку.

*Наклонись над колодцем, увидишь ты там,
Словно тёмная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растёт по краям,
И прозрачной струи не виднеется.
Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мгlistая,
Как в суровых объятых угрюмой тюрьмы,
Робко бьётся струя серебристая,*

– писал Бальмонт в стихотворении «Колодец».

Пирамида Кукулькана в городе Чичен-Ица – это равнобедренная пирамида, разнесённая по 55 метров по основанию. По центру граней с четырёх сторон тянется лестница, содержащая 90 ступеней. Её парапеты напоминают тело змеи, а входы защищаются мощёными змеиными головами. Ибо так в стародавние времена изображали бога ветра, или пернатого змея. Данная пирамида – отображение

майянского календаря – могла использоваться в качестве обсерватории. Среди конструктивных особенностей пирамиды – преобразование тени и проецирование её на лестничный парапет. Безусловно, в даты осеннего и весеннего равноденствия создаётся символ спускающегося дракона с небес на почву или поднимающегося в обратном направлении.

У майских развалин Уксмаль

*Создания великих веков,
Застыли руины Уксмаль.
Воздушны края облаков,
Безбрежна пустынная даль.*

*Здесь жили когда-то цари,
Здесь были жрецы пирамид.
Смотри, о, мечтанье, смотри,
Здесь жемчуг легенды горит.*

*В безгласье сидящих плит
Узорные думы молчат.
И только немолчно звучит
Стоустое пенье цикад...*

Осмотрели Бальмонт с Еленой и другие следы былой цивилизации – это Юкатан, Уксмаль. Вот как Бальмонт описал эти руины: «Среди руин Уксмаль есть одно здание с подземельем, в котором мне довелось испытать ощущение единственное. Не знаю кто, но кто-то неумный, назвал это здание Casa de la Vieja (Дом Старухи). Так же точно и дивную Колдунью Райдэра Хаггарда безумные считали старой. Ты помнишь поразительный его роман “She”? – Более чем когда-либо ценю Хаггарда. Я вошёл в подземелье полусогнувшись, в точном смысле уменьшившись в росте наполовину, – иначе войти в подземелье нельзя. В полузасыпанном обломками камней коридоре, у левой стены, я увидел лишь одно изваяние, строгий лик, фигура по пояс. Казалось, и может быть это так, наверно так, казалось, что нижней половиной своего тела эта фигура ушла в землю. Когда я приблизился к этому лицу вплоть, мной овладело волнение, странное, я сказал бы вспоминательное. Вместо старого лица, которое я должен был увидеть, и вместо уродливого лика, одного из тех, к которым я здесь привык, на меня глянуло молодое и вечное лицо, молодое и прекрасное. “Да ведь это она, она”, – подумал я про себя, – “She who must be obeyed”.

*Колдунья, мне странно так видеть тебя.
Мне люди твердили, что ты
Живёшь – беспощадно живое губя,
Что старые страшны черты.
Ты смотришь так нежно, ты манишь, любя.
И вся ты полна красоты.*

На меня глядел прекрасный лик египетски-еврейского типа. Тонкие черты, живые глубокие глаза, не живые, но полные жизни, красивый нос с выразительно-чёткими ноздрями, и губы, которые умели и умеют молча говорить. Головной убор как будто нашей боярыни, головной убор как будто Византийский, и лёгкие подвески упали с него. Мне казалось, что это лицо жило. В нём была какая-то мысль и чувство. Я исполнился колебания и смущения. Я не мог так уйти от него, как уходят от мёртвой картины и каменной статуи. С ощущением несказанным я приблизил свои губы к этому лицу, и странное чувство освежительной прохлады возникло в душе, когда эти изваянные губы, приняв мой поцелуй, волшебным образом ответили на него». Читаешь Бальмонта, аж дух захватывает. Как много он увидел.

«Как хорошо умели строить Майи! Они любили высоту, и для своих молитвенных настроений они выбирали такие места, что могли видеть под собой и перед собой широкую панораму. Они любили даль, которая уходит к горизонту. В их молитвы свободно входили Солнце, звёзды, воздух, и зелёные просторы Земли...» – писал он в книге.

Иногда Бальмонту и Елене приходилось делать пешеходные походы или переезды верхом на конях по горам. «Я надел leggings и вскочил на лошадь с такой решительностью, как будто был записной ездок. Правда, это странное чувство. Я ездил верхом всего раз десять в жизни, раз на Ай-Петри, раз на Кавказе, в Кабардинской области и несколько раз мальчиком в деревне. Но тут я почувствовал какую-то странную уверенность в себе, силу и ловкость тела и счастье, покойную радость», – писал он в книге. А ведь Бальмонту в то время уже было 38 лет от роду, но он ещё хорохорился, изображая из себя «молодого рысака». «Не боюсь никаких неудобств и пока ещё не был укушен ящером, не ужален змеёй или какой-либо мексиканской красавицей», – шутливо замечает Бальмонт в письме матери.

«Он вернулся в июле и не изменился...»

*В июле хоть раздёнсья,
Не станет холодней.
Гроза, вскипи и вспеньсья,
Спусти дождей с цепей...*

– писал Бальмонт про июль.

*Берёза родная со стволом серебристым,
О тебе я в тропических чащах скучал...
Но, тихонько качаясь
На тяжёлом, чужом, мексиканском седле,
Я душою дремал – и воздушно во мне расцветаясь,
Восставали родимые тени в серебряной мгле.*

Из путешествия Бальмонт вернулся в Москву в июле 1905 года и вскоре отправился с семьёй в Эстонию, в Силламяги, что на берегу Финского залива. «Я здесь, у воли, пишу стихи, читаю книжки, словом, всё, как оно мне и полагается, – сообщал Бальмонт поэту Брюсову 1 сентября. – Не чувствую, чтобы, увидев Мексику и Майю, Аризону и Калифорнию и всякие там Нью-Йорки, я изменился хоть на волос».

Приехав из Мексики, он потом красочно напишет:

*Братья мыслей, вновь я с вами, я, проплывший океаны,
Я, прошедший срывы, скаты голых скал и снежных гор,
Гордый жаждою увидеть вечно-солнечные страны,
Я принёс для звучных песен новый красочный убор.
Я спою вам, час за часом, слыша вой и свист метели,
О величии надменном вулканических вершин,
Я спою вам о колибри, я спою нежней свирели,
О стране, где с гор порфирных смотрит кактус-исполн.
О стране, где в чаще леса расцветают орхидеи,
Где полями завладели глянцежитости агав,
Где проходят ягуары, где шуришат под пальмой змеи,
Где гремят цикады к Солнцу, меж гигантских пышных трав.
О стране, где мир созвездий предстаёт иным узором,
Где сияет каждый вечер, символ жизни, Южный Крест,
Где высоко, в странном небе, опрокинуто пред взором
Семизвездье Скандинавов, Ursa Major льдяных мест.
Слыша северных метелей стоны, бреды, вскрики, шумы,
В час радений наших зимних, при мерцании свечей,
Я вас вброшу в дождь цветочный из владений Монтезумы,
Из страны Кветцалькоатля, из страны крылатых змей.*

Разъезжая по Мексике, Бальмонт не просто накапливал впечатления, но постоянно и безостановочно работал. Везде, где он останавливался, его мгновенно окружали груды книг на самые разнообразные темы. И тут же он овладевал языком любой местности, где он находился! Впечатления его от поездки в Мексику, где Бальмонт побывал в 1905 году, были очень яркими и глубокими, и они до сих пор поражают читателя своими историческими познаниями.

В 1908 году он выпустил сборник «Птицы в воздухе», один из циклов которого озаглавлен «Майя». В него вошли 33 стихотворения, посвящённых Мексике. В 1909 году в свет вышел сборник «Зовы древности» с разделом «Мексика», где бальмонтовские переводы доиспанской поэзии порой неотличимо переплетаются с его собственными импровизациями на индейские религиозные темы. Наконец, в 1910 году путевые заметки и очерки поэта, наряду с выполненными им вольными переложениями индейских космогонических мифов и преданий, вошли в «Змеиные цветы».

В конце своего путешествия по древней Мексике Бальмонт напишет: «Я благословляю людей, строивших храмы на высотах, я люблю потомков Атлантов, которые, молясь, сливали в одно великое очарование – мысли, цветы, слова, благовония, краски и вольный воздух, и высоту пирамид, с которых виден зелёный океан растений до дальней черты горизонта, под родным лазурным небом, под лучами родного, народившего нас, Солнца».

В поэтических очерках путешествий по Мексике «Змеиные цветы» (1910) неуёмный путешественник К. Д. Бальмонт, которого Брюсов метко нарёк «искателем Атлантиды», в мифах мексиканских индейцев находит свидетельства влияния культуры атлантов. Как мы видим, в «Змеиных цветах» мексиканцы видятся Бальмонту лишь одними из наследников атлантов, но сама Атлантида относится им за Северную Америку.

И как итог его поездки – вот этот отрывок из его стихотворения «Майя»:

*Майя! О, Майя! Лучистый обман!
«Жизнь – для незнающих, призрак – для йоги,
Майя – бездушный немой океан!»*

Очевидно, главным источником сведений о культуре ацтеков послужила для Бальмонта приобретённая им «Всеобщая история о делах в Новой Испании» Бернардино де Саагуна (ок. 1498–1590), который сохранил для истории гимническую поэзию ацтеков.

Через семь лет, в 1912 году, Волошин напишет в поэтическом «Напутствии Бальмонту», отправляющемуся в кругосветный круиз:

*Чтоб подслушать древние обиды
В жалобах тоскующей волны,
Ты уж спал на мелях Атлантиды.
<...>
Где вставала ночь времён немая,
Ты раздвинул яркий горизонт.
Лемурия... Атлантида... Майя...
Ты – пловец пучин времён, Бальмонт.*